

ней общественное положение, да и цель ее — пробудить и придать лоск природным задаткам подопечной. Иное дело Мавра. Ей, служанке, обязана Христина тем, что грамоту понимает. Ситуация в комедии «О, время!» больше напоминает не пьесу Геллерта, а вполне конкретный эпизод из жизни российского двора времен Елизаветы, когда, отстранив В. Е. Ададунова, дававшего великой княгине уроки русского языка, «императрица, — по воспоминаниям Екатерины, — нашла нужным дать мне вдруг восемь русских горничных; была только одна между ними, которая знала по-немецки, да моя, которую я привезла; благодаря этому я очень скоро сделала быстрые успехи в русском языке».³³ По-видимому, не случайно спустя десятилетия Екатерина доводит до гротеска слова Лорхен и вкладывает их в уста смышенной служанки.

Подобный же прием использован и в замечательной комедии «Госпожа Вестникова с семьею». Сама Вестникова, глупая и ничемная барыня, вдруг оживляется, говоря об игрушках для внука: «Я любила всегда хорошенькие игрушечки. Я б и теперь играла в куклы, если б не стыдно было. Мне не давали доиграть, молодую выдали замуж. Я еще сама величиною с куклу была, как я сына, а год спустя дочь родила».³⁴ Так выглядит текст в рукописи (автограф И. П. Елагина), с небольшими изменениями реплика перенесена и в первое издание.

На страницах «Записок» также встречается герой, который «любил до безумия» детские игрушки, но в силу обстоятельств «не посмел бы ими воспользоваться в своей комнате». Речь идет о муже Екатерины — великом князе Петре Федоровиче. Спустя годы после его смерти императрица саркастически повествует, как камер-фрау «приносила ему столько кукол и игрушек, что вся постель ими была покрыта. Я им не мешала, но иногда меня немножко бранили за то, что я не принимала достаточного участия в этой приятной забаве...»³⁵ Такое увлечение взрослого человека показалось Екатерине настолько точной характеристикой умственных способностей мужа, что она повторяет эту подробность во всех редакциях «Записок».³⁶

³³ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 64.

³⁴ ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 331, л. 2.

³⁵ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 107.

³⁶ Страсть великого князя Петра Федоровича к игрушкам, вероятно, и на самом деле носила пагубный характер. Так, например, в проекте инструкции Елизаветы для имьярека, который должен выполнять обязанности воспитателя при восемнадцатилетнем (!) наследнике, подчеркнуто, что утренние часы отведены для занятий: «Вам же всемерно препятствовать надлежит чтению романов, игранию на инструментах, егерями или солдатами, или иными игрушками и всякие шутки с пажами, лакеями или иными негодными и к наставлению неспособными людьми» (ЦГАДА, ф. 2, оп. 1, № 75, л. 9 об).